“установлено в ходе проверки”

опять двойка

Сергей Сафонов

Газета — 2005. — 19 авг. — С. 19.

Замечательный документ показала мне Нина Александровна Ярославцева, директор музея (по официальной терминологии Государственной Третьяковской галереи, в чьем ведении нынче находится этот музей, — заведующая отделом исследований творчества) художника Виктора Васнецова. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела подписано милицейскими начальниками из ОВД Мещанского района столицы, куда в июле нынешнего года от Ярославцевой поступило заявление «по факту угрозы физической расправы, поджога музея и с обвинениями от неизвестных лиц». «В ходе проведенной проверки было установлено: гр. Ярославцева Н.А. не информирует своего администратора, куда, зачем она уехала и когда приедет. При угрозой физической расправы (орфография постановления сохранена. — **Газета**) над гр. Ярославцевой Н.А. свидетелей и очевидцев не находилось высказанные угрозы являлись косвенные примой направленности на причинения телесных повреждений, увечий небело. С каким либо заявлением в ОВД Мещанского района в момент высказыванием угроз гр. Ярославцева Н.А. не обращалось. В ОВД Мещанского района гр. Ярославцева Н.А. для дачи объяснения не приехала по указанному адресу в заявлении при выходе на месте не находилась». Дальше следует вывод: в возбуждении уголовного дела отказать, объяснив заявительнице, что постановление можно обжаловать «в установленном порядке». Попросту говоря, получив по почте письмо с анонимными обещаниями поджога и пули в лоб, Ярославцева не пригласила почтальона в свидетели. Не села в ожидании милиционеров «по указанному адресу», а продолжала бегать по делам — благо помимо малобюджетного отдела ГТГ руководит еще и деятельностью частного музея «У Троицы», созданного на базе фонда «Мир русской души».

Открытый в 1953 году васнецовский музей Ярославцева возглавляет вот уже двадцать семь лет. Когда-то он влачил жалкое существование, будучи филиалом Музея истории Москвы. Потом возродился к Олимпиаде-80, стал одним из подразделений Третьяковки — наряду с музеями Корина, Голубкиной и Васнецова же, только Аполлинария (существующий на бумаге музей Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой так и не смог обрести реальное помещение в Трехпрудном переулке). В 1992-м, когда предприниматели первого постсоветского призыва начинали шить «вареные» джинсы, издавать журналы и книги, зарабатывать извозом, ради выживания музея и своих сотрудников Ярославцева стала инициатором создания негосударственного фонда, с помощью инвесторов отстроив для него деревянное здание рядом с Садовым кольцом, в самом начале Олимпийского проспекта. Судя по всему, именно эта постройка — точнее, прилегающий к ней большой земельный участок в центре Москвы с договором аренды до 2017 года — теперь становится предметом чьего-то вожделения. Но, как и много лет назад, спасение утопающих остается их собственной заботой. Разговорами о культуре никого не разжалобишь; зато, как давным-давно известно из телерекламы, «московская недвижимость всегда в цене». Сожгут вас или убьют — тогда и приходите жаловаться.

Другой сюжет, связанный с недвижимостью и искусством, показательно совпавший по времени. Группа московских скульпторов озаботилась спасением наследия Дмитрия Цаплина, своего коллеги по цеху. Тревожные вести о возможной дальнейшей судьбе десятилетиями заколоченной мастерской в глубине реконструируемого под торговый центр квартала в районе Никольской улицы мобилизовали Владимира Буйначева и его единомышленников.

Замеченный наркомом Луначарским, художник-самоучка Цаплин в 1927 году был отправлен в Париж на учебу. Он приобрел европейскую известность в амплуа скульптора-анималиста, участвовал в выставках, не был обойден коммерческими предложениями. «В ноябре открылась его выставка в галерее Слоден, — писала в мемуарах известная исполнительница старинных русских романсов Татьяна Лещенко-Сухомлина, ставшая вдали от родины женой Цаплина. — Лучшие вещи он сделал в Кассисе. Пожалуй, эти звери и птицы и те, что позднее он сделал на Майорке, — это лучшее, что он вообще сделал... Выставка прошла с таким успехом, что Цаплин сразу стал известным. Газеты писали: «Это не талант — это гений!» Но за скульптуры Цаплин назначил такие цены — за зверей, за портреты, — что Слоден чуть не рвал на себе волосы. Полмиллиона франков за «Песню весны»! Цаплин не хотел продавать свои произведения. Расставаться со своей скульптурой для него было мукой. Он страдал, мучился — и не продавал. И я его понимала. Цаплин все хотел привезти на Родину и считал, что работает для Родины».

Вернувшись в Москву вместе с работами и даже получив в столице мастерскую, скульптор все-таки не сумел вписаться в здешнюю предвоенную художественную ситуацию. По собственной воле делал портреты вождей, потом оказался в эвакуации в Барнауле, снова переехал в столицу, много работал, но в итоге был основательно забыт всеми, кроме узкого круга единомышленников и последователей. Спасенные работы Цаплина сегодня оказались не нужны даже Третьяковке. Скульптор Буйначев вывез их из центра Москвы в отдаленную мастерскую: целее будут. И устроил в Музее современного искусства на Петровке выставку «Трагедия скульптора» — как напоминание о бесхозной российской культуре; экспозиция открыта до 29 августа. «Часто мне кажется, что у нас слишком много талантливых людей именно в искусстве, и потому их не ценят», — записала Лещенко-Сухомлина в дневнике 19 июля 1943 года. Похоже, что она была права.